

УДК 343

Сравнительно-правовой анализ коррупционных преступлений, совершаемых должностными лицами государственных структур европейских стран, в российской научной литературе

Онин Денис Александрович, магистрант
Югорский государственный университет

Аннотация. В статье представлен обзор идей и оценок российских учёных-правоведов по поводу состояния антикоррупционного законодательства в европейских странах. Сравнительный анализ этого законодательства в отечественной научной литературе, наряду с сугубо академическим, представляет значительный интерес для инвентаризации и развития соответствующего направления российского законодательства. Материалы исследования могут быть использованы также при подготовке учебно-методических пособий для бакалавров, обучающихся по направлению «Юриспруденция».

Ключевые слова: государственная служба, должностное лицо, коррупция, сравнительно-правовой анализ, антикоррупционное законодательство.

Comparative legal analysis of corruption crimes committed by officials of state structures European countries in Russian scientific literature

Onin Denis Alexandrovich, Master's degree student
Ugra State University

Abstract. The article provides an overview of the ideas and assessments of Russian legal scholars regarding the state of anti-corruption legislation in European countries. A comparative analysis of this legislation in Russian scientific literature, along with a purely academic one, is of significant interest for the inventory and development of the corresponding direction of Russian legislation. The research materials can also be used in the preparation of teaching aids for bachelors studying in the direction of "Jurisprudence".

Keywords: civil service, official, corruption, comparative legal analysis, anti-corruption legislation.

DOI: 10.5281/zenodo.4672509

Проблемное поле антикоррупционной тематики активно разрабатывается в современной отечественной юридической литературе. Не является исключением и зарубежный сегмент тематики. Обращение российских специалистов к изучению зарубежного, в том числе европейского, опыта противодействия коррупционным преступлениям помогает, как общему пониманию этого феномена, так и выработке адекватных, эффективных методов борьбы с ним [1, с. 198].

Актуальность исследования коррупционных преступлений, совершаемых государственными служащими, объясняется не только растущими общественными запросами. При том, что коррупция рассматривается в самых разных контекстах [2], с точки зрения данной работы значимыми представляются институциональный (государственная служба) и функциональный (функционирование органов власти и управления) аспекты.

Первый связан с проблемами рационализации бюрократии и управления. Веберовский идеальный тип государственного служащего, принятый и современных западных исследованиях, характеризуется, в частности тем, что чиновник:

а) вознаграждается постоянным денежным окладом;

б) не рассматривает свою службу как собственность, которую можно коммерциализировать [3, с. 162-163].

Второй в самом общем виде заключается в проблеме социокультурного и политического значения, влияния коррупции.

Понятно, что в Европе существует своя литература посвящённая изучению и борьбе с коррупционными преступлениями.

Для определения злободневных вопросов в изучении феномена коррупции обратимся к анализу электронного каталога Британской библиотеки (The British Library), проанализируем представленные здесь заголовки научных статей 2021 года. На запрос публикаций на тему "corruption", увидевших свет в 2021 г., всего было получено 119 названий. Из них чуть менее половины – 48 прямо относятся к интересующей нас теме. Большинство работ этой группы – 13 посвящено коррупции и борьбе с ней в развивающихся странах. По 9 связаны с проблемами экономики и политики; 4 – с вопросами госуправления.

В электронном каталоге Российской государственной библиотеки на аналогичный запрос читатель получает представление о 385 книгах, изданных

в 2021 г. и так или иначе затрагивающих коррупционную проблематику. Правда, напрямую ей посвящены всего 5.

До совсем недавнего времени сравнительно-правовой анализ коррупционных преступлений был представлен в нашей литературе по преимуществу в статейном формате. Активно занимались и занимаются подобными исследованиями К. М. Арсланов [4], Н. П. Бухарина [5], И. С. Власов [6], В. А. Григорьев [7], К. А. Краснова [8; 9], О. А. Кузнецова [10; 11], С. В. Кузьякин [12], Е. А. Макарова [13], Н. Г. Муратова [1] Е. В. Фролова [14] и другие.

Цель данной статьи заключается в репрезентации достижений современного отечественного правоведения в части сравнительно-правового анализа коррупционных преступлений, совершаемых государственными служащими зарубежной Европы.

Одним из первых в последнем 15-летию к сравнительно-правовым штудиям обратился В. А. Григорьев. Статью о противодействии коррупции в зарубежных странах он начинает с тонко подмеченного значения сравнения российского и зарубежного опыта, ссылаясь при этом на мысль М. Анселя: «Такое сравнение способно вооружить юристов такими идеями и доводами, которые невозможно получить даже при очень хорошем знании собственного права» [7, с. 85]. Автор формулирует несколько исходных положений: отсутствие в большинстве стран Запада специальных антикоррупционных законов, а в этой связи значительную роль международных соглашений (например, Конвенция Совета Европы «Об уголовной ответственности за коррупцию» 1999 г.), отсутствие единой трактовки самого понятия 'коррупция' и связанный с этим разнородный оценочный характер.

Далее В. А. Григорьев даёт краткие, но ёмкие характеристики антикоррупционного законодательства ФРГ, в значительной степени унаследовавшего положения кодекса 1871 г., в частности, отмечает:

а) достаточность для преследования требования должностного лица той или иной выгоды за совершение какого-либо действия или за воздержание от необходимого действия, входящего в круг обязанностей;

б) аналогичный характер норм, предусматривающих ответственность за дачу взятки должностному лицу [7, с. 85].

Такая же характеристика дана им и законодательству Франции, где особое внимание обращено на сбор средств и расходы политических партий, контроль за «подозрительными» банковскими счетами, рынком государственных заказов и общественных работ, имущественное положение парламентариев [7, с. 86].

Хорошо показаны особенности антикоррупционных нормативов в некодифицированном праве Великобритании, где в качестве источников правового регулирования «выступают либо отдельные парламентские акты (статутное право), либо прецеденты (общее право)», а общее понятие о подкупе должностных лиц было сформировано прецедентами 1809 и 1914 гг. [7, с. 86].

Интерес, с точки зрения В. А. Григорьева, представляет закон 1916 г. об ответственности за подкуп, относящийся к государственным контрактам и общее

правило решения коррупционных дел в судах приносящих. В качестве самостоятельных преступлений в Великобритании признаются подкуп судей и продажа публичных должностей [7, с. 87].

По мнению В. А. Григорьева, особый интерес для российских юристов представляет итальянское антикоррупционное законодательство, УК 1930 г. и закон № 86 1990 г., содержащие определения и санкции сразу по 10 типам должностных преступлений. Он отмечает дифференциацию взятки и подкупа в зависимости от характера деяния, а среди видов взятки автор выделяет взятку в суде [7, с. 88]. Завершается статья тезисом о возможном использовании отдельных правовых идей «при совершении отечественного антикоррупционного законодательства» [7, с. 89].

В 2010 г. в «Учёных записках Казанского университета» вышла статья Н. Г. Муратовой «Понятия и признаки коррупции по уголовному законодательству зарубежных стран». Автор обратила внимание на значение Конвенции ООН 31 октября 2003 г., ратифицированной в РФ 8 марта 2006 г. в части принятия общих критериев требований к доказыванию коррупционных фактов. Были определены и критерии фактических обстоятельств отмывания преступных доходов [1, с. 198-199].

Сравнение российских и зарубежных определений/моделей коррупционных преступлений, по Н. Г. Муратовой, оказалось в пользу последних: «более чётко» и далее: «процессуальные нормы отечественного уголовно-процессуального законодательства, представляется, ещё схематично воспринимают рекомендации о правилах доказывания, предложенные Конвенцией ООН <...>». Необходимо продолжить перечень «обстоятельств, подлежащих доказыванию, но уже с позиций антикоррупционного законодательства, принятого в стране и мире» [10, с. 200].

В целом, как считает Н. Н. Муратова, в зарубежном законодательстве «единство уголовно-правовых характеристик коррупции достаточно определенно сформулировано терминологически», российский законодатель может и должен использовать этот опыт [1, с. 198, 202].

В 2014 г. в «Вестнике Тамбовского университета» была опубликована работа О. А. Кузнецовой «Противодействие коррупции как цель правоохранительной политики», также содержащая сравнительно-правовой анализ российского и зарубежного опыта.

Автор даёт пространный анализ условий и предпосылок развития коррупции, её видов и негативных последствий, отмечает её системный характер, указывает конкретные пробелы в российском законодательстве, прежде всего: отсутствие понятного и удобного для практического применения понятия коррупции, отсутствие перечня лиц, которые могут быть её субъектами, наконец предлагает создание специальных программ борьбы с этим явлением [11, с. 149-153].

Автор убеждена в том, что разработке таких программ поможет изучение зарубежного опыта. «Коррупция осознается правительствами этих стран как серьёзная угроза национальной безопасности. При этом коррупция рассматривается как внешняя и внутренняя проблема. Поэтому усилия по ограниче-

нию коррупции в этих странах масштабны и, как правило, институционализированы», – пишет О. А. Кузнецова [11, с. 153].

Характеризуя антикоррупционные стратегии «достаточно чистых в коррупционном отношении стран», приводя, в то же время и неблагоприятные примеры, исследовательница говорит о двух вариантах борьбы. Это кампанейский силовой путь и путь структурного реформирования механизма власти при наличии последовательной «политической воли» [11, с. 155].

В 2015 г. на свет появилась статья К. А. Красновой, посвящённая уголовной ответственности за коррупционные преступления в странах Евросоюза. обстоятельный анализ соответствующего законодательства позволил автору сделать ценные наблюдения относительно способа выделения коррупционных преступлений в странах общего права «на основе критериев субъекта и объекта посягательства» и «должностного лица», как субъекта коррупционного преступления. При этом в некоторых странах Евросоюза допускается смешение публичных и частных интересов: таким субъектом может выступать не только государственный и/или муниципальный служащий, но и работник коммерческой или общественной организации (Австрия, Литва), а в Австрии ещё и третейский судья.

К. А. Краснова даёт обстоятельную характеристику общего и различий в трактовке понятия «должностного лица» в законодательстве Эстонии, Германии, Италии. В последнее время в европейском законодательстве произошло расширение понятия субъекта коррупционного преступления за счёт «иностранный» и «международный» «должностного лица».

Обстоятельно анализируется К. А. Красновой феномен взяточничества, его активные и пассивные формы, различия наказаний за эти преступления. «В большинстве европейских стран законодатель оценивает получение взятки как более опасное деяние, чем дача взятки и, соответственно, устанавливает за пассивный подкуп более строгие меры уголовной ответственности», – пишет К. А. Краснова [9].

В 2016 г. со статьёй о понятии и признаках коррупции в международных правовых актах выступила Н. П. Бухарина.

Статья начинается с обозначения двух путей, способов определения понятия «коррупции»: описательного и перечневого [5, с. 166–167]. Из анализа легальных дефиниций и перечней коррупционных преступлений автор выводит существенные признаки коррупции, как явления, а затем рассматривает некоторые международные акты, заложившие основания для его трактовки с позиций так называемого «узкого подхода».

«Родовые признаки» коррупции, по оценке Н. П. Бухариной, содержит в себе дефиниция, данная Конвенцией ООН 2000 г., однако ограничивающая коррупцию исключительно взяточничеством [5, с. 167–168]. Убедительным выглядит мнение автора об отождествлении понятий «коррупция» и «взяточничество» в Декларации ООН 1996 г., раскрывающей их через характеристику форм подкупа, в то время как «субъект-

ный состав коррупции, предмет и сфера её существования могут быть истолкованы достаточно широко» [5, с. 168].

Характеризуется Н. П. Бухариной и Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию 1999 г. И здесь под коррупцией понимаются только подкуп-продажность. Аналогичной узостью грешит и Модельный закон о борьбе с коррупцией СНГ [5, с. 170].

«Широкий подход» автор видит в Конвенции ООН против коррупции 2003 г. Хотя унифицированного определения коррупции здесь нет, его содержание может быть раскрыто через «анализ закреплённого в этом международном документе перечня коррупционных деяний, подлежащих криминализации, и иных положений Конвенции» [5, с. 171].

Значение работы Н. П. Бухариной можно выразить цитатой из «Уголовно-правовых мер по противодействию коррупции за рубежом» под ред. И. С. Власова: «Термин «коррупция» постепенно внедряется в европейское континентальное законодательство через международные конвенции, на составление которых сильно повлияли страны англосаксонской системы права» [6, с. 4–5].

В заключении отметим, в рамках конференциального доклада нет возможности представить сколько-нибудь полный обзор имеющейся российской литературы, посвящённой коррупции и борьбе с ней. В данном случае отобраны те статьи, которые показались автору наиболее интересными. Понятно, что ими не исчерпываются все проблемы, тем более нюансы. Понятно, что многое из того, о чём писали выбранные авторы, можно прочесть и в работах их коллег. Отобрано то, что характерно, то, что обсуждалось, «носилось в воздухе» в профессиональном сообществе.

Из прочитанного и представленного здесь литературного материала можно сделать определённые выводы.

Во-первых, и это отмечают многие отечественные авторы, изучение зарубежного законодательства необходимо нам для совершенствования собственного. В отличие от «чистых» в коррупционном отношении Сингапура, Финляндии, Швейцарии и некоторых других стран у России пока много проблем. СМИ чуть ли не ежедневно сообщают о новых и новых вскрывшихся случаях коррупции.

Во-вторых, даже при условии сохранения нынешнего курса на приоритет национального законодательства над международным, следует внимательно отнестись к тем идеям, предложениям, которые выработала наша юридическая компаративистика в отношении борьбы с коррупцией.

Во-третьих, разрабатывая законодательные меры надо иметь в виду, что собственно антикоррупционные нормы будут не слишком эффективны без наличия действующей национальной программы противодействия коррупции, базирующейся в том числе на реформе всей системы власти и управления; не силовые кампанейские наскоки, а систематическая реформаторская работа могут дать успех.

В-четвёртых, необходимо осознать, «что коррупция подрывает саму социальную ткань общества, поскольку население растёт в апатии, не желая оспари-

вать коррупционное поведение – это подрывает легитимность институтов» [15, р. 262]. Нам недостаёт ясного понимания смертельной для общества коррупционной угрозы и следовательно ясно и бескомпромиссно выраженной политической воли.

Литература:

1. Муратова Н. Г. Понятие и признаки коррупции по уголовному законодательству зарубежных стран // Учёные записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки. 2010. Т. 152. Кн. 4. – С. 198-203.
2. Sparling, Robert Alan. Political Corruption. The Underside of Civic Morality. Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 2019. – 272 p.
3. Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft. Köln, Berlin, 1964. Halbbd. 2. – 658 s.
4. Арсланов К. М. Понятие гражданско-правовой ответственности по германскому праву // Учёные записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. Т. 155. № 4. – С. 101-108.
5. Бухарина Н.П. Понятие и признаки коррупции в международных правовых актах // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 1. С. 166–176.
6. Уголовно-правовые меры по противодействию коррупции за рубежом: сравнительно-правовое исследование / отв. ред. И. С. Власов. – URL: <http://files.sudrf.ru/459/anticorruption/doc20160122-135800.pdf>
7. Григорьев В. А. Законодательные аспекты противодействия коррупции в западноевропейских странах // Вестник КГУ. 2006. № 3. – С. 84–89.
8. Краснова К. А. Объект коррупционных преступлений в уголовном законодательстве государств – членов Европейского Союза // Актуальные проблемы права и государства в XXI веке. 2015. Т 7. № 4. – С. 92–96.
9. Краснова К.А. – Уголовная ответственность за взяточничество в государствах-членах ЕС // Юридические исследования. 2015. № 8. – С. 76–94. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=15494 (дата обращения 21.03. 2021).
10. Кузнецова О. А. Противодействие коррупции в зарубежных странах: культурно-правовые аспекты. – М.: Российский ун-т Дружбы народов, 2021. – 184 с.
11. Кузнецова О. А. Противодействие коррупции как цель правоохранительной политики: отечественный и зарубежный опыт // Вестник Тамбовского государственного университета. 2014. Вып. 1 (129). – С. 147–157.
12. Кузякин С. В. Противодействие коррупции: российский и зарубежный опыт. – URL: <https://mgimo.ru/upload/iblock/839/protivodejstvie-korrupcii-rossijskij-i-zarubezhnyj-opyt.pdf> (дата обращения 21.03. 2021).
13. Макарова Е. А. Пассивный подкуп: сравнительно-правовой анализ законодательного определения // Вестник Новгородского филиала РАНХиГС. 2016. № 2-2 (6). – С. 106–111.
14. Фролова Е. В. Уголовно-правовой анализ коррупционных преступлений // Шестой технологический уклад: механизмы и перспективы развития. Сб. материалов III международной научно-практической конференции. Ч. 1. Приложение к журналу «Вестник Югорского государственного университета». 2015. № 2 (37). – С. 236–238.
15. Atkinson, Christopher L. Theme-Based Book Review: Public-Sector Corruption // International Journal of Public Administration. 2021, no 44:3. – pp. 262–267.